

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-6-17-40

УДК: 930.01

**ПРИНЦИП КОНСОЦИАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В 1994-2006 ГОДЫ**

Рамазанова Дильшад Шагиудиновна

Дагестанский государственный университет

г. Махачкала, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

Аннотация. Данная статья является частью диссертационного исследования автора¹. В ней освещается сложная этнополитическая ситуация в Республике Дагестан после распада СССР, в условиях которой был осуществлен переход к коллегиальной форме управления дагестанским сообществом, основанной на принципе консociальности («сообщественной демократии»). Созданию высшего органа исполнительной власти - Государственного Совета РД (1994 г.), где были представлены все «титульные» народы республики, предшествовал затяжной конфликтный период 1991-1994 гг., связанный с поиском наиболее приемлемой формы национально-государственного устройства в новых исторических реалиях. Отмечается, что многосоставное, сегментированное дагестанское сообщество во главе с руководством республики того периода вышло из состояния кризиса трудно, но весьма достойно и бескровно, достигнув общественного согласия. Акцентируется внимание на деятельности оппозиции в лице различных общественно-политических объединений, в том числе и национальных движений, которая считала Верховный Совет ДАССР нелегитимным органом, сосредоточившим в период после распада СССР и до принятия Конституции РД (26 июля 1994 г.) всю полноту высшей власти в республике в своих руках. Раскрывается позиция Верховного Совета республики, не допустившего консолидацию оппозиционных сил и организовавшего 13 ноября 1992 г. созыв Съезда народов Дагестана. Анализируются исторические решения Съезда, процессы разработки и принятия новой Конституции республики, а также выборов Председателя и членов Госсовета Республики Дагестан. Автор приходит к выводу, что опыт создания механизмов достижения национального согласия в полиэтничном и поликонфессиональном сообществе, который имел место в новейшей истории Рес-

¹ Рамазанова Д.Ш. Дагестан в составе России: административно-политический статус территории и актуальные проблемы национальной политики (1921–2017 годы). Дисс. ... д.и.н. М., 2021 // URL: http://www2.rsuh.ru/binary/2640171_8.1584632308.39203.pdf

публики Дагестан, помог сохранить мир в республике в то время, когда вокруг нее на Кавказе не прекращались национальные конфликты, и это, безусловно, заслуживает серьезного изучения и распространения.

Ключевые слова. Республика Дагестан, дагестанское сообщество, политическая жизнь, высшая исполнительная власть, Государственный Совет, принцип консоциальности

Для цитирования: Рамазанова Д.Ш. Принцип консоциальности в политической жизни республики Дагестан в 1994-2006 годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 6. С. 17-40.
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-6-17-40

Original article

THE PRINCIPLE OF CONSOCIABILITY IN THE POLITICAL LIFE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN 1994-2006

Dilshad Sh. Ramazanova

Dagestan State University

Makhachkala, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

Abstract. This article is a part of the author's dissertation research. It highlights the complex ethnopolitical situation in the Republic of Dagestan after the collapse of the USSR, in the conditions of which the transition to a collegial form of governance of the Dagestan community based on the principle of consociability (co-social democracy) was made. The creation of the highest executive body - the State Council of the Republic of Dagestan (1994), where all the "titular" peoples of the republic were represented, was preceded by a protracted period of conflict in 1991-1994, associated with the search for the most acceptable form of national-state structure in the new historical realities. It is noted that the multi-component, segmented Dagestan community led by the leadership of the republic of that period came out of the crisis with difficulty, but very dignified and bloodless, reaching public consensus. Attention is focused on the activities of the opposition represented by various socio-political associations, including national movements, which considered the Supreme Council of the DASSR an illegitimate body, which concentrated in the period after the collapse of the USSR and before the adoption of the Constitution of the Republic of Moldova (July 26, 1994) the fullness of supreme power in the republic in its hands. The article reveals the position of the Supreme Council of the Republic, which prevented the consolidation of opposition forces and organized the convocation of the Congress of the Peoples of Dagestan on November 13, 1992. The historical decisions of the Congress, the processes of drafting and adopting the new Constitution of the Republic, as well as the elections of the Chairman and members of the State Council of the Republic of Dagestan are analyzed. The author comes to the conclusion that the experience of creating mechanisms for achieving national accord in a multi-ethnic and multi-confessional community, which took place in the recent history of the Republic of Dagestan, helped to preserve

peace in the republic at a time when national conflicts did not stop around it in the Caucasus, and it deserves serious study and dissemination.

Keywords: Republic of Dagestan, Dagestan community, political life, highest executive body, the State Council, the principle of consociality

For citation: Ramazanova D.Sh. The principle of consociality in the political life of the Republic of Dagestan in 1994-2006. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.6. PP. 17-40. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-6-17-40

Введение.

Исследование истории взаимоотношений Российского государства и субъектов по схеме «Центр - периферия» позволяет выделить как более демократичные периоды во взаимоотношениях субъектов и Федерации (РСФСР, РФ), так и периоды, когда происходило ограничение полномочий субъекта и ужесточение вертикали власти. Это связано, прежде всего, с неоднократным изменением национально-государственного устройства самой России в XX в., сменой социальных технологий управления территориями ее составных частей в изучаемый период (административно-территориальная перекройка границ, территориальные обмены между соседями, изменение устоявшихся форм национально-государственного устройства в постсоветский период).

И в этом плане особое внимание привлекает опыт Республики Дагестан как одного из самых сложносочиненных субъектов Российской Федерации, который в условиях переходного периода и нестабильности 1991-1994 гг. нашел свой рецепт гармонизации межэтнических отношений и сохранил мир в то время, когда вокруг него на Кавказе не прекращались национальные конфликты. Его суть - в ставке на национально-культурное самоопределение и справедливое представительство дагестанских народов во власти при сохранении сложившейся унитарной формы их политического устройства - Республики Дагестан в составе Российской Федерации; консолидации общественно-политических сил на основе прогрессивных общероссийских и общedaгестанских идей, принципа национального согласия как важнейшего направления и метода регулирования и гармонизации межнациональных отношений народов внутри Дагестана и с народами зарубежья, в особенности с ближайшими соседями.

По факту в этот период в дагестанском многонациональном сообществе, раздираемом комплексом трудноразрешимых этнополитических проблем, был достигнут общественный договор по преодолению кризиса и стабилизации обстановки в республике на основе диалога власти и оппозиции. Были предприняты практические шаги в этом направлении:

- в первую очередь в состав комиссии по разработке проекта Конституции (Основного закона) республики и рабочей группы, наряду с депутатами Верховного Совета и учеными республики, были включены представители всех слоев населения, в том числе и из оппозиционно настроенных национальных движений, партий, религиозных объединений;

- в 1993 г. была разработана и принята Комплексная программа решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан;

- к лету 1994 г. завершилось обсуждение по вопросу формирования высшего исполнительного органа власти республики. Было достигнуто согласие о его коллегиальной форме - Государственном Совете Республики Дагестан, обеспечивающем пропорциональное представительство во власти каждой национальности. Такая модель коллегиального управления многонациональным обществом основана на *принципе консоциальности (сообщественной демократии)*. Полагаю, что этот опыт создания механизмов достижения национального согласия в полиэтничном и поликонфессиональном сообществе, который имел место в новейшей истории Республики Дагестан, заслуживает серьезного изучения и распространения.

При этом относительно вопросов, связанных с развитием федерализма, с передачей полномочий от регионов к центру, хотелось бы отметить, что автор не является сторонником абсолютизации федерализма. И тем более не сторонник слепого заимствования подходящего варианта из международного или регионального опыта и его внедрения в условиях нашей действительности. Вместе с тем важно помнить печальный опыт СССР, где национальный вопрос считался решенным, однако в процессе распада государства связанные с ним проблемы из латентного состояния перешли в открытые конфликты.

Литература.

В современной исторической и политической науках достаточно много работ, посвященных анализу трансформации политической системы Республики Дагестан в постсоветский период, причин этнополитического сепаратизма, охватившего дагестанское сообщество в начале 1990-х, процесса формирования в условиях кризиса 1991-1994 гг. новой коллегиальной системы власти и управления, ее функционирования на основе общественной демократии, проблем правового статуса республики и ее взаимоотношений с Федеральным центром, изменений Конституции республики в 2003 г. и перехода к президентской форме правления в 2006 г. [1-20].

Выводы исследователей в основном отражают две противоположные точки зрения: 1) что политическая система власти и управления, сложившаяся в Дагестане в 1994 г., закрепленная в Конституции Республики Дагестан от 26 июля 1994 г., явилась продуктом внутреннего, своеобразного развития и в значительной степени отвечала особенностям социально-политической структуры дагестанского общества [10; 20]; 2) что новая Конституция Республики Дагестан от 26 июля 2003 г., в которой отражен переход к президентской форме управления, свидетельствует о дальнейшем совершенствовании национально-государственного строительства и является логическим продолжением эволюции дагестанской национальной государственности [17, с. 353].

В ходе исследования обращает на себя внимание высокая степень интереса иностранных авторов (особенно английских, американских, турецких) к сложной этнополитической ситуации в Дагестане 1990-х годов [21-28], в особенности к обострившейся в те годы «лезгинской проблеме» и стремлению этого разделенного народа к своей автономии в составе России. Например, в научных трудах Д. Бёрч «Пограничные споры и спорные границы в советской федеративной системе» [29, р. 43-70], Э. Фуллер «Кавказ: лезгинская кампания за автономию» [30] и «Лезгинское взятие заложников: история "Садвала"» [31], А. Матвеевой и К. Маккартни «Лезгины: оценка ситуации» [26], Ф. Хилл «Конфликт на Северном Кавказе и его последствия для будущего Российской Федерации» [32],

С. Корнелла «Малые нации и великие державы. Изучение этнополитического конфликта на Кавказе» [33] и др.

Из исследований зарубежных авторов постсоветского периода, в которых освещаются этническое многообразие и система управления в регионе, хотелось бы выделить работу М. Эдвардса «Расколотый Кавказ» [24] и вышеназванный научный труд С. Корнелла [33].

М. Эдвардс подчеркивает сложную этническую структуру дагестанского сообщества: «Дагестан - одна из самых этнически разнообразных и сложных территорий в мире, ... где проживает более 30 коренных народов, самые крупные из которых (аварцы) составляют менее 30% населения республики» [24, p. 131].

С. Корнелл называет Кавказ «Музеем народов» (“Museum of Nations”) и «перекрестком религий» (“Crossroads of religions”) [33, p. 4-5] и дает пояснение относительно процесса политического конструирования национальностей Дагестана и формирования системы межэтнических отношений республики. Он считает, что «в советское время, когда Дагестан стал автономной республикой, возник вопрос об управлении республикой и, следовательно, возникла необходимость в системе распределения политических позиций по этническим группам». Результатом стала «система, сравнимая с ливанской "конфессиональной" системой, с той лишь разницей, что в случае Дагестана критерием была не религия, а этническая принадлежность, определяемая в основном языком, и что ротация на официальных должностях была значительно более развита в Дагестане» [33]. По его мнению, «эта система, тем не менее, была нарушена в постсоветскую эпоху». При изучении Дагестана он рекомендует «уделять внимание нескольким основным аспектам: во-первых, это *российско-дагестанские отношения*; во-вторых, *исламское возрождение*, наблюдавшееся в постсоветскую эпоху, и, в-третьих, *хрупкая межэтническая стабильность республики, связанная с проблемами управления*» [33].

Теоретические аспекты формирования системы власти и управления в многосоставных обществах на основе принципа консоциальности [34] также достаточно разработаны и освещены в зарубежной и отечественной историографии, особенно в последние годы [35-41]. Применительно к Дагестану, в рамках исторического опыта, механизм консоциальности рассматривается в работах Э.Ф. Кисриева [9;10], С.М. Маркедонова [42], А.З. Адиева [43] и др.

Изучив внимательно содержание термина «консоциальная демократия», можно констатировать возможность его применения к Дагестану периода 1994-1998 гг., то есть когда этнический паритет в высшей исполнительной власти республики - Госсовете РД - выразался в «коллективном президентстве» и ротации первого лица - Председателя Госсовета РД. Тогда в принципе было все, что характеризует «консоциальную демократию» по А. Лейпхарту [34] - пропорциональное представительство, принцип коалиционного соглашения, право вето и т.д.

Конечно же, в этой связи встает вопрос о степени «автономности сегментов» в дагестанском сообществе. Так, Э.Ф. Кисриев отмечает: «Дагестан и дагестанское общество - не унитарные образования, а *сегментированные*. Сегментный порядок у нас сложился исторически, в силу действия географических, этнических, религиозных факторов» [44]. Комментируя в 2013 г. инициативы Главы Республики Дагестан о делении Дагестана на округа и введении в республике

института полпредов Президента РД, ученый предупредил, что «они несут внутри себя угрозы для внутренней стабильности Дагестана» [44].

Дагестан характеризуется исследователями как «республика с самой большой численностью на Северном Кавказе, ее иногда называют «Кавказской Федерацией», «РФ в миниатюре» [45], «одна из самых этнически разнообразных и сложных территорий в мире, ... где проживает более 30 коренных народов» [24]. Система межэтнических отношений в республике имеет сложную структуру. Она объединяет: 14 «титульных» (субъектообразующих) народов; 16 малочисленных этнических общностей (они включены в состав «титульных» аварцев и даргинцев); горских евреев, других этнических меньшинств и имеет проблемы функционирования [46].

Сегментированность внутри дагестанского сообщества имеет выраженную «схему принадлежности» (к народу, этнической территории, религии, группе защиты интересов и т.д.). Если сегмент многочисленный, то соответственно он накапливает свой идеологический потенциал и усиливает свое воздействие на все дагестанское сообщество, повышая степень конфликтности.

Необходимо также подчеркнуть усиление в условиях кризиса переходного периода 1991-1994 гг. сегментированности дагестанского сообщества по линиям, повторяющим существующие внутри дагестанского сообщества «границы». Это отчетливо проявилось через формирование добровольных общественных объединений – мононациональных движений, часть из которых актуализировала в условиях кризиса осени 1992 г. свои требования о федерализации Дагестана, создании новых национально-государственных образований (Республика Кумукстан, Лезгинская автономная республика, Республика «Ногай Эл») и даже о возвращении исторической территории в состав другого субъекта РФ (Кизлярское казачество). Важно также отметить, что в условиях современности ни одна из проблем, обостривших этнополитическую ситуацию в республике в период 1991-1994 гг., практически не решена. А защита интересов этнических общностей переведена в формат экстерриториальных объединений: местных, региональных, федеральных - лезгинская (1999 г.), ногайская (2015 г.) - национально-культурных автономий.

Что касается «права вето», то наглядный пример его применения в политической практике Госсовета республики можно привести с ситуацией принятия постановления Правительства Республики Дагестан № 27 от 11 марта 1997 г. «Об установлении пограничной зоны и утверждении Правил пограничного режима в пограничной зоне в пределах Республики Дагестан». Он отражен в заключении¹ члена Госсовета РД от лезгинского народа на уже принятое Правительством РД постановление № 27 от 11 марта 1997 г. «Об установлении пограничной зоны и утверждении Правил пограничного режима в пограничной зоне в пределах Республики Дагестан». Данное постановление было подвергнуто резкой критике со стороны членов Госсовета РД - Ш.Р. Рамазанова (от лезгин), Р.Х. Ходжаева (от цахуров), И.И. Ибрагимова (от рутульцев), а также лезгинской общественности. 24 марта 1997 г. Госсовет РД приостановил действие данного постановления, а 25 марта 1997 г. Правительство РД утвердило это решение с формулировкой: «В связи с необходимостью дополнительного изучения

---

¹ Заключение Члена Госсовета РД от 30 июня 1997 г. № 04-22/41 на постановление Правительства РД «Об установлении пограничной полосы и утверждении Правил пограничного режима в пределах Республики Дагестан» от 11 марта 1997 г. № 27.

вопросов, связанных с режимом пограничной зоны»¹. Это только один пример из политической практики.

То есть на тот момент не было еще жесткой централизации власти в руках Председателя Госсовета РД, как это случилось уже после отмены в марте 1998 г. Положения о его ротации, предполагающего невозможность занимать главный пост в республике представителем одной национальности два срока подряд. Данная норма была закреплена в Конституции РД от 1994 г. (ст. 93. п. 2) с целью воспрепятствования тенденции к сосредоточению власти в руках представителей одной национальности. Из-за нежелания допустить такую ситуацию народ Дагестана трижды отклонил на референдуме (в 1992, 1993, 1999 гг.) идею введения поста Президента республики. Однако сосредоточение власти в руках Председателя Госсовета РД фактически произошло за считанные месяцы до новых выборов членов Госсовета и его председателя, которые состоялись в июле 1998 г.

Для последующего (после событий марта 1998 г.) периода, уже в условиях централизации власти в Дагестане, верно использовать термин «общественный договор».

По мнению исследователей, тогда установилась полупрезидентская республика, руководимая председателем Госсовета РД, фактически имевшим президентские полномочия. Однако при этом мало кто знает, что каждый из 14 членов Госсовета практически обладал правом наложения вето на решения, касавшиеся непосредственно народа, который он представлял, и всей Республики Дагестан, если эти решения могли нанести какой-либо вред интересам народа и республики.

По утверждению члена Госсовета РД первого созыва Ш.Р. Рамазанова, «все свои решения Госсовет принимал коллегиально, с учетом мнения каждого из четырнадцати своих членов, в интересах всей республики. Факты оказания давления на членов Госсовета со стороны его председателя исключались»².

То, что эта модель управления в целом была воспринята многонациональным и поликонфессиональным дагестанским обществом, подтвердил всенародный референдум, состоявшийся в республике 7 марта 1999 г. Значительную роль в этом сыграло «наличие исторических традиций достижения компромисса и согласия», что по теории А. Лейпхарта относится к одному из девяти «вторичных» условий, благоприятных для установления и функционирования общественной демократии» [34, с. 28-29].

По мнению бывшего председателя Народного собрания РД М.Г. Алиева, референдум показал, что «фактически установленная форма государственной власти в республике являлась, по сути, итогом своеобразного договора об общественном согласии между прежними органами власти, политическими и общественными организациями, национальными элитами, то есть всеми слоями общества» [47].

---

¹ Постановление Правительства РД № 44 от 25 марта 1997 г. «О приостановлении действия постановления Правительства Республики Дагестан от 11 марта 1997 г. № 27 «Об установлении пограничной полосы и утверждении Правил пограничного режима в пределах Республики Дагестан» // URL:www.dagestan.regnews.org/doc/uq/z7.htm. Дата обращения: 2.05.2016.

² Полевой материал (информант *Рамазанов Ш.Р.*, 1941–2020). 25 апреля 2012.

Методы. Изучение опыта коллегиального управления в многосоставном обществе в условиях кризиса переходного периода (1990-е гг.) базируется на различных методах исследования, среди которых: историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-системный (в рамках традиций исторической науки) и метод исторического институционализма (неоинституциональный подход в политической науке).

Метод исторического институционализма сосредоточен на происхождении и развитии институтов [48, с. 50]. В его основе - две концепции институционального развития: «критических моментов» (critical junctures, «внешние кризисы» или «поворотный момент» экзогамного характера) и patch dependence («зависимость от предшествующего развития», или «эффект колеи»). Метод позволяет выделить в постсоветской истории Дагестана (субъект федерации) критический момент («период значительных изменений ...» [49, р. 29], «точки выбора, когда конкретный вариант выбран из двух альтернатив ...» [50 р. 113]), обусловленный общим кризисом государства после распада СССР и приведший к институциональным изменениям.

Результаты.

Исследование официально-документальных, архивных материалов, историографии проблемы позволяет проследить развитие политического процесса в многонациональном субъекте РФ, которое привело к формированию нового института высшей власти и управления на основе принципа сти - Государственного Совета РД («коллегиальное президентство»). Такой институт власти не имел альтернативы в практике политической жизни других субъектов России в исследуемый период. Выбор в его пользу предотвратил «федерализацию» Дагестана, сохранил межнациональный мир, единство республики и определил ее дальнейшее развитие в составе России.

Обсуждение.

После распада СССР народы республики, пережив в 1991-1994 гг. сложный период поиска наиболее приемлемой формы своего национально-государственного устройства в новых исторических реалиях, все же подтвердили свой выбор - и в дальнейшем развиваться в составе России в статусе одного из составляющих ее равноправных субъектов - Республики Дагестан, что в итоге было закреплено в новой Конституции Российской Федерации (12 декабря 1993 г.) и Конституции Республики Дагестан (26 июля 1994 г.). Но это политическое решение далось не просто. Для Дагестана проблема национально-государственного устройства была одной из кардинальных проблем первых лет постсоветского развития. До принятия новой Конституции республики в дагестанском сообществе шли активные дискуссии по вопросам нового политического устройства. Националистически настроенные элементы вели пропаганду за отделение Дагестана от России, не встречая должного отпора со стороны властных структур и общественности. В этой ситуации была необходима четкая позиция в вопросе об отношении к России, к русскому народу, его роли в исторической судьбе Дагестана. Важным фактором являлось предотвращение внутренней федерализации республики и отторжения ее от России, подчинения другим внешним влияниям. С распадом СССР радикально изменилось геополитическое положение России и Дагестана. Перед республикой возникли доселе не существовавшие труднораз-

решимые проблемы внешнеполитического и внутриреспубликанского характера, так как Дагестан стал южным приграничным регионом России, граничащим по суше с Азербайджаном и Грузией, по морю - с Ираном, Казахстаном и Туркменией [15, с. 6-7].

Обострение проблемы национально-государственного устройства объяснялось также наметившейся тогда в дагестанском сообществе опасной тенденцией сепаратизма и национал-экстремизма, стремлением расчленить республику путем предоставления автономии отдельным народам.

Говоря о политических ориентациях Дагестана *в течение первого десятилетия постсоветского развития*, директор Регионального центра этнополитических исследований ДНЦ РАН А.-Г.К. Алиев выделял несколько направлений: «Доминирующей тенденцией была и остается ориентация на Россию, на сохранение и развитие Дагестана в составе Российской Федерации» (71,7%), «Ориентация на Восток (Турция, Иран, арабские страны) и создание Исламской Республики Дагестан. Ориентация на выход из состава РФ, создание самостоятельного государства, опора на собственные силы, людские и природные ресурсы» (20,8%). К сожалению, были попытки и раздела Дагестана на самостоятельные государственные образования по национальному признаку. В качестве еще одного направления политической ориентации определенной части населения Дагестана можно назвать идею вхождения республики в Конфедерацию северокавказских народов» (7,5%) [9, с. 154].

С.М. Маркедонов пишет, что «почти иррациональная пророссийская ориентация Дагестана в постсоветский период - до сих пор неразгаданная проблема отечественной политологии». Он считает, что «начиная с 1991 г. Дагестан фактически самостоятельно разрешил немало проблем, которые по сути своей должны были быть урегулированы федеральным центром и скорее относились к сфере межгосударственных отношений». «...Дагестан сам выживал в условиях этнополитической неразберихи и пытался противостоять внутреннему "параду" суверенитетов. В результате вместо выбора в пользу сепаратистской или исламистской революционности республика смогла остаться в фарватере российской политики и Российской государственности» [42].

В 1991-1994 гг. в центре обсуждения в официальных органах власти, общественных объединениях и СМИ оказались в основном четыре аспекта национальных отношений в республике.

Первый из них - российско-дагестанские отношения. Учитывая, что основополагающим фактором национальной политики является правовой статус территории в государственном устройстве России, предлагалось исходить из идеи «суверенности» Дагестана в составе Российской Федерации и необходимости осуществления комплекса мер по реализации принятого Съездом Народных депутатов ДАССР в мае 1991 г. законодательного акта о повышении статуса республики.

Другой аспект - будущее внутреннее устройство Дагестана. В соответствии с действующей Конституцией республики, Декларацией о ее единстве и территориальной целостности за основу была взята идея сохранения и в дальнейшем существующей формы политического устройства Дагестана. Эта позиция была поддержана всеми главами администраций, министерствами, научными и творческими учреждениями, преобладающим большинством национальных общественных движений [1, с. 14-15; 4, с. 137-139; 15, с. 137-139].

Против нее выступали представители отдельных движений. Если за унитарную республику были аварское, даргинское и лакское национальные общественные движения, то кумыкское, лезгинское и ногайское - отстаивали идею федерализации Дагестана. Идею ногайцев об автономии поддерживали и казаки Нижнего Терека. В ряде средств массовой информации муссировалась идея разделения республики по количеству проживающих в ней народов.

Исследователи А. Здравомыслов и А. Цуциев дали этому расхождению в позициях национальных движений на будущее устройство республики следующее объяснение: «*Аварцы* заинтересованы в сохранении своих ведущих мест в государственно-административной структуре Дагестана, а также в защите тех позиций, которое обрело за последние десятилетия аварское население, спустившееся с гор на плоскость.

Даргинцы имеют лидирующее положение в системе торговли, управленческих структурах республики. Они крайне заинтересованы в сохранении плоскостных кутанов для отгонного животноводства.

Лакцы, 78% которых проживает вне Кумуха, зоны обитания этноса, обладают многочисленной интеллигенцией. Над ними постоянно нависает угроза экстренного выселения из Новолакского района. Наконец, лакцы наделены большими отгонными пастбищами на плоскости» [8].

Авторы отмечают, что все названные «народы обладают стабильной зоной обитания этносов, по 2-3 района практически с мононациональным составом, никакой угрозы "размыванию" их этнической территории не существует», и что «все это заставляет указанные этнические группы и их национальные гражданские формирования выступать за единую неделимую республику, "за сильное государство".<...> "унитаристы", ссылаясь на уникальность Дагестана, требовали не допустить «вообще никакого самоопределения»[8].

Что касается позиции сторонников «федерализации» Дагестана, то известно, что она была продиктована тем положением, в котором оказались отдельные народы республики в итоге своего развития в советский период. Так, *кумыки* - фактически единственный из коренных народов республики, который не имеет своего мононационального района и вследствие административно-территориальной перекройки территории на равнине Республики Дагестан оказался «разбросанным» по восьми сельским муниципальным районам и десяти городам¹.

Лезгины оказались народом, разделенным государственной границей между Россией и Азербайджанской Республикой.

Ногайцы, русскоязычное население Северного региона и казаки недовольны их вытеснением горцами-переселенцами с исторически сложившейся территории расселения этих народов и нарушением хозяйственной структуры региона. Так сложилось, что на современном этапе в Кизлярском и Тарумовском районах большинство населения составляют переселенцы (аварцы и даргинцы). Русские в Северном регионе Республики Дагестан составляют этническое большинство только в г. Кизляре².

К середине 1992 г. лидеры большинства национальных общественных движений пришли к соглашению о необходимости проведения Съезда народов

---

¹ Перепись 2010 г. Дагстат. Том 3.

² Перепись населения 2010 г.

Дагестана. Он был намечен на 26 сентября 1992 г. Провозгласив себя инициатором форума, созданный оргкомитет выразил готовность пригласить на него представителей Верховного Совета республики. В связи с этим исследователь Ю. Кульчик отмечает, что «именно против последнего и были направлены все помыслы консолидирующейся оппозиции, которая требовала признания существующей власти нелегитимной, утратившей доверие и поддержку подавляющей части населения, выдвижения требования досрочных парламентских выборов, формирования депутатского корпуса на новой основе» [11]. Оргкомитет по подготовке Съезда объединил практически все национальные движения, политические партии, различные национально-культурные центры Дагестана.

Верховный Совет стал оказывать консолидации оппозиции ожесточенное сопротивление. Им было принято решение о проведении Съезда народов Дагестана в другие сроки (13 ноября 1992 г.) и под эгидой парламента. Оппозиция объявила о проведении 24 октября 1992 г. объединенного съезда национальных движений и общественно-политических партий Дагестана. Не отказалась оппозиция от кампании по выдвижению делегатов на созываемый уже Верховным Советом ДССР Съезд народов Дагестана. Туда прошли лидеры практически всех имевшихся в республике движений.

24 октября 1992 г. в г. Махачкале в Аварском театре состоялся оппозиционный съезд. В его работе приняли участие 470 делегатов. Организаторы съезда преследовали две основные цели: 1) консолидировать все оппозиционные силы, самоорганизовать их в форме некоего комитета, способного координировать действия, по отношению к Правительству и Верховному Совету выступать в качестве «теневого» власти; 2) разработать такую программу будущего государственного устройства, которая могла бы удовлетворить всех участников оппозиции.

Руководству республики не только удалось организовать работу Съезда народов Дагестана в запланированный срок (он проходил 13-14 ноября 1992 г.), но и провести Резолюцию Съезда народов, в которой четко обозначено, что Дагестан – единая республика, часть Российского государства; дана оценка роли национальных движений, а самое главное, выражена поддержка и доверие органам власти республики, то есть они были признаны легитимными. В частности, роли национальных движений и других общественных организаций в резолюции Съезда дано следующее определение: «Заметное влияние на общественно-политическую обстановку в республике оказывают возникшие в последние годы национальные движения и другие общественные объединения. Хотя в целом они играют определенную роль в повышении политической активности населения, своими выступлениями побуждают органы государственной власти и управления критически оценивать свои действия, все же нельзя умалчивать и то, что неконструктивные, противозаконные действия, инспирируемые лидерами некоторых движений, не раз ставили под серьезную угрозу мир и спокойствие в Дагестане»¹.

Съезд призывал национальные движения действовать конституционными методами, уйти от политики конфронтации, не допустить действий, направленных на подрыв единства и целостности Республики Дагестан, мира и граждан-

¹ Резолюция Съезда народов Дагестана «Созидательные силы Дагестана – на службу прогресса, демократии и национального мира». Махачкала, 14 ноября 1992 г. // Копия из архива Госкомитета ДССР по делам национальностей, вх. № 549 от 1 декабря 1992 г.

ского согласия. Вопросы национальной политики, гармоничного сочетания национальных интересов народов Дагестана на основе принципов равноправия, национального мира и государственной целостности республики должны рассматриваться в рамках разрабатываемой Комплексной программы решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан.

Съезд призвал решать вопросы общественно-политического и социально-экономического характера, в том числе и проблемы государственного устройства, в рамках Конституции. При этом следует исходить из того, что республика входит в состав Российской Федерации. Вместе с Россией и в составе России на основе Федеративного договора – таков курс, которым следует Республика Дагестан.

Съезд отверг распространяемую некоторыми представителями национальных движений идею создания в Дагестане отдельных государственных образований по национально-этническому признаку. В резолюции съезда отмечается: «Такой путь неприемлем для наших народов, веками считавших Дагестан единым, неделимым – своей общей Родиной. В едином демократическом государстве Дагестан все народы должны иметь возможность свободного, равноправного и всестороннего развития, решения проблем экономического, социального и культурного характера, сохранения национальной самобытности и общедагестанских духовных ценностей»¹.

Съезд подтвердил, что «гарантом стабильности общественно-политического положения и социально-экономического развития являются конституционные органы власти Республики Дагестан, выражает им поддержку и доверие, призывает все общественно-политические формирования, национальные движения и религиозные объединения к тесному сотрудничеству с ними в решении политических, экономических, социально-культурных и межнациональных проблем»².

Безусловно, Съезд народов Дагестана, несмотря на то, что проходил в условиях весьма жесткого противостояния оппозиции к власти, все же дал серьезный посыл для урегулирования тяжелой социально-экономической и политической ситуации в республике. Несмотря на содержащиеся в резолюции Съезда нелицеприятные определения роли оппозиции в лице национальных движений, последние все же ее признали, поскольку в ней было также обозначено признание наличия ряда важных для дагестанского общества проблем, а именно:

Съезд поддержал предпринимаемые властными структурами республики меры по восстановлению в полном объеме в своих правах чеченцев-аккинцев - одного из дагестанских народов. Верховному Совету и Правительству республики было рекомендовано выполнить решения III Съезда народных депутатов Дагестана, а также подготовить проект Закона о принудительно переселенных народах.

Была также признана разделенность лезгинского народа в результате образования независимых государств – России и Азербайджана. В связи с этим Президентам и парламентам Российской Федерации и Азербайджана, Верховно-

---

¹ Там же.

² Там же.

му Совету и Правительству Республики Дагестан предлагалось принять все необходимые меры по консолидации лезгин и других народов Дагестана¹.

Были учтены и интересы переселявшейся части граждан из малоземельных высокогорных районов на равнину. Оно имело благородные цели и позволяло с помощью государства освоить новые земли, ввести их в оборот. Съезд признал и наличие имевшихся ошибок и просчетов. Отрицательно сказались последствия «оголения» горных земель на экономике республики, в результате переселения в определенной мере оказались ущемленными интересы населения равнинной части. Съезд поддержал предпринимавшиеся органами власти республики меры по прекращению процесса дальнейшего переселения на равнину и возрождению гор, дальнейшее развитие равнинной части республики².

Третий аспект – целесообразность культурного самоопределения народов Республики Дагестан при сохранении унитарной формы их политического устройства.

Ставка на национально-культурный плюрализм, национально-культурную автономию стала определяющей во всех странах, где проживают сравнительно малочисленные народы. В соответствии с этим каждому народу дается свобода своего национально-культурного развития, самостоятельного решения всего, что связано с родным языком, обучением, традициями, обрядами, обычаями. Принцип культурного плюрализма был заложен в основу Комплексной программы решения проблем национальных отношений в РД, принятие которой в 1993 г. имело как политическое, так и важное социально-экономическое значение.

Обратил на себя внимание общественности и *четвертый аспект, суть которого в том, что растущее осознание пагубности национальных конфликтов подготавливает массы к пониманию приоритетной роли такого традиционного для многовековой истории Дагестана морально-правового и духовно-культурного феномена, как маслихат (согласие).* В республике накапливается опыт создания морально-этических, народно-дипломатических механизмов достижения национального согласия [1, с. 15; 4, с. 139-140; 15, с. 118].

Большой интерес в этом плане вызывает мнение проф. А.А. Магомедова: «Для дагестанцев надо считать правильной идеологию тройной идентичности, то есть ощущать себя в трех ипостасях: как люди, принадлежащие к определенному дагестанскому народу, как дагестанцы и одновременно как россияне. Причем три эти самоидентификации должны быть в определенном балансе. Если, к примеру, центр тяжести чрезмерно смещается в сторону национальной самоидентификации, то Дагестан может, в конце концов, распасться. То же самое может случиться, если Дагестан выйдет из состава России. Тройная самоидентификация - неперемное условие существования Дагестана в XXI веке» [14, с. 244].

Отметим здесь же, что идея о тройной самоидентификации дагестанцев практически подтвердилась в ходе отражения дагестанцами совместно с федеральными войсками вооруженной агрессии бандформирований с территории Чечни в Дагестан в августе - сентябре 1999 г. Органы государственной власти на федеральном и дагестанском уровне в этих событиях оказались, по нашему мнению, на должной высоте.

¹ Там же.

² Там же.

Большие надежды общество связывало и с новой Конституцией Республики Дагестан. Работа над ее проектом началась еще летом 1990 г., когда была образована Конституционная комиссия, и продолжалась несколько лет - до середины 1994 г. Значительного времени потребовала выработка согласованной формы государственного правления, новых институтов государственной власти.

Директор Регионального центра этнополитических исследований ДНЦ РАН, член рабочей группы по подготовке Конституции РД А.-Г.К. Алиев вспоминал: «Путь к ее принятию лежал через многочисленные споры над несколькими проектами. Ученые, практические работники бились над разрешением проблемы такой организации власти, которая могла бы предоставить всем народам Дагестана гарантии прав и свобод, обеспечить справедливое представительство каждой национальности в органах государственной власти. В период разработки проекта новой Конституции возникало множество различных мнений, позиций и предложений. Большая часть их касалась вопросов избрания высшего исполнительного органа республики - президента или Госсовета, коллегиального органа, создания национальных округов, парламента однопалатного или двухпалатного (с Палатой национальностей. - *Д.Р.*), предоставления права выбора депутатов от национальных округов, права вето для депутатов той или иной национальности при решении проблем развития своих народов и т.д.» [3, с. 445].

Широкую дискуссию в обществе вызвал вопрос о введении поста Президента РД. За первое десятилетие постсоветского развития республики вопрос трижды выносился на всенародный референдум (28 июня 1992, 12 декабря 1993 и 7 марта 1999 г.) [17]. Население республики высказалось против института президентства, считая, что это может привести к резкому усилению влияния одной из национальностей республики [9, с. 19]. Так, в 1992 г. отрицательно высказалось 87,9% граждан, принявших участие в референдуме [17, с. 241].

Однако руководство республики вскоре вновь вернулось к этому вопросу. Поводом к этому послужило то, что после московских событий в октябре 1993 г. в информации, поступившей из Центра в Верховный Совет и Совет Министров Дагестана, указывалось, что «если система государственной власти в Республике Дагестан не будет приведена в соответствие со структурой государственной власти, складывающейся в Российской Федерации, то Москва назначит в Дагестан главу администрации. На этот раз агитация среди населения за введение поста президента в Дагестане была достаточно настойчивой» [17, с. 249]. «На референдуме Республики Дагестан 12 декабря 1993 г. 68,1% граждан ответили отрицательно ...» [17, с. 241, 249].

7 марта 1999 г. в республике состоялся еще один референдум по этому вопросу. Отрицательно проголосовало 71,63% из числа его участников [17, с. 316-317].

Идея создания Госсовета - «коллегиального президентства» - исходила не от руководства республики, а «снизу» от народных движений, политических партий, депутатских групп. Однако и она вызывала споры среди членов Верховного Совета ДССР. Сам Верховный Совет ДССР, как атрибут старой системы власти, признавался нелегитимным оппозиционно настроенной частью общества в лице национальных движений. Сложилась парадоксальная ситуация: Страны Советов больше нет, следовательно, нелегитимны были по идее и старые органы власти – Советы разных уровней, в том числе и Верховный Совет ДССР, сосре-

доточивший в своих руках в переходный период 1991-1994 гг. всю полноту высшей власти в республике.

6 июня 1994 г. Президиум Верховного Совета республики объявил о созыве XXV внеочередной сессии Верховного Совета. На повестку дня были предложены два важных вопроса - о проекте Конституции РД и проекте закона о Конституционном Собрании РД.

10 июня 1994 г. состоялась сессия Верховного Совета ДССР, на которой депутаты в большинстве своем проголосовали за утверждение проекта Конституции Республики Дагестан и приняли Закон РД «О Конституционном Собрании». Конституционное Собрание созывалось исключительно с целью принятия Конституции республики и избрания нового органа высшей власти - Государственного Совета РД [16, с. 24]. После долгих и упорных дискуссий по сближению самых разноречивых позиций удалось найти формулу реформирования структуры органов власти, которая позволила максимально учесть мнения, позиции разных политических сил республики, интересы всех населяющих ее народов.

26 июля 1994 г. Конституционное Собрание РД приняло Конституцию Республики Дагестан. Был закреплен статус Дагестана как суверенного единого демократического государства в составе Российской Федерации.

26 июля Конституционное Собрание также избрало Председателя Государственного Совета РД, а 27 июля - 14 членов Государственного Совета (по одному от каждой из 14 «титულных» национальностей республики) [16, с. 24].

В результате определения рейтинга в бюллетени для тайного голосования были внесены по 2-3 кандидатуры от каждой национальности. В итоге голосования Членами Государственного Совета РД стали: М. Абдулхаликов (аварец), Т. Махмудова (агулка), С. Курбанов (азербайджанец), А. Аджиев (ногаец), А. Амутинов (лакец), Ш. Рамазанов (лезгин), В. Паламарчук (русский), И. Ибрагимов (рутулец), Л. Авшалумова (татка), Р. Ходжаев (цахурец), И. Чергизбиев (чеченец). Председатель Правительства РД А. Мирзабеков (кумык) согласно новой Конституции РД вошел в состав Госсовета РД в ранге заместителя его Председателя М. Магомедова (даргинца) [16, с. 29]. Так в многонациональном Дагестане сложилась (отличная от других республик в составе России) своеобразная модель консоциальной демократии.

Однако спустя менее чем через 12 лет - 20 февраля 2006 г. - этот институт власти был ликвидирован.

Курс на централизацию, укрепление властной вертикали, взятый руководством страны в 2000-е годы, привел к необходимости приведения в соответствие положений Конституций национальных республик Российской Федерации, отражающих их «особенность», и устранения противоречий с Конституцией РФ¹.

10 июля 2003 г. Конституционное Собрание РД постановлением № 10-КС приняло новую Конституцию Республики Дагестан. Федеральный центр при

---

¹ Обращение Президента России В.В. Путина к гражданам страны // Дагестанская правда, 19 мая 2000 г.

этом пошел на некоторые уступки - статьи Конституции РД, касающиеся деятельности Госсовета РД, позволяли этому органу власти осуществлять свои функции вплоть до истечения срока его полномочий 26 июля 2006 г., то есть еще сроком на три года. Однако Председатель Госсовета РД М.М. Магомедов 20 февраля 2006 г. досрочно ушел в отставку, а Госсовет прекратил свои полномочия как институт власти.

В этот же день Федеральный центр предложил на пост Президента Республики Дагестан М.Г. Алиева, возглавлявшего до этого с 1994 г. Народное Собрание РД.

По мнению А.З. Адиева, «отказ от принципов общественной демократии - принципов большой коалиции, автономности сегментов, пропорциональности и права вето - привели к изменению модели политического устройства Республики Дагестан и активизировали этноклановую борьбу за новое перераспределение властных и экономических ресурсов в республике с переносом конфликтного противостояния из политико-экономической в межэтническую» [43].

Заключение. В целом, анализ материалов показал, что в первое десятилетие постсоветского развития республики в составе РФ (1991-2000 гг.) для двусторонних взаимоотношений Центра и республики в условиях становления новой формы национально-государственного устройства Российского государства (после распада СССР) была характерна некоторая демократичность, учитывающая своеобразие многонациональной республики.

Ситуацию в республике в период создания Госсовета РД (1994 г.) можно назвать затяжным конфликтом, из которого сегментированное дагестанское сообщество во главе с руководством республики того периода вышло достойно и бескровно, достигнув общественного договора. Это при том, что оппозиция в лице различных общественно-политических объединений, в том числе и национальных движений, считала Верховный Совет ДАССР нелегитимным органом, сосредоточившим в период после распада СССР и до принятия Конституции РД (26 июля 1994 г.) всю полноту высшей власти в республике в своих руках. Тем не менее всем хватило мудрости не перейти черту и достигнуть согласия по важнейшим вопросам дальнейшего развития Дагестана, а именно, что Дагестан – это единая республика в составе Российской Федерации, имеющая высшую власть – «коллегиальное президентство» – Госсовет РД, где представлены все титульные народы.

Можно ли было сохранить в республике Госсовет как высший орган власти и как руководству республики удалось обойти беспокоивший его (в связи с трижды имевшим место на предыдущих референдумах отрицательным итогом) вопрос о необходимости проведения референдума о введении поста всенародно избираемого главы республики?

Ответ на эти вопросы обозначен в докладе Председателя Госсовета М.М. Магомедова на Конституционном Собрании РД от 10 июля 2003 г.: «Созданный в тех условиях по воле дагестанского народа Государственный Совет полностью оправдал себя, а весь опыт его функционирования в эти тяжелые годы убедительно подтвердил, что этот коллегиальный орган управления респуб-

ликой достойно выполнил ответственную историческую миссию, которая была возложена на него на том этапе развития дагестанского общества»¹.

Разработка новой Конституции республики, предполагавшая реформирование государственной власти, стала необходимостью. Это было обусловлено в первую очередь изменением подходов Федерального центра к формированию парламентов субъектов Федерации в соответствии с федеральным законодательством. И в этой обстановке Государственный Совет, Народное Собрание и Конституционная комиссия сочли возможным, не вынося в очередной раз этот вопрос на референдум, просить Конституционное Собрание принять решение об учреждении должности всенародно избираемого главы республики. Конституционной комиссией было принято решение о наименовании должности будущего высшего должностного лица республики – «Президент Республики Дагестан»².

Таким образом, руководство республики, умело используя политический маневр, когда вместо постановки вопроса о главе республики на Всенародном референдуме «перепоручило» его решение Конституционному Собранию, сумело «бескровно» и без потери своего авторитета реализовать поставленные Федеральным центром задачи и избежать «недопонимания» с ним в дальнейшем.

Можно утверждать, что Конституция РД от 2003 г. закрепила уже фактически имевшееся с марта 1998 г. (после отмены Положения о ротации кандидатуры на посту Председателя Госсовета РД) сосредоточение власти в республике в лице одного человека за высшим должностным лицом – Президентом РД.

Президентская форма правления закрепилась в республике: с 2006 г. по 2013 г. на этом посту сменилось три президента. В январе 2014 г. вступил в силу Закон РД от 20 июля 2011 г. № 39 «Об изменении наименования должности высшего должностного лица Республики Дагестан» (с Президента на Главу РД). Глава республики не избирается всенародно. Кандидатура на эту должность представляется Президентом Российской Федерации и утверждается парламентом – Народным Собранием Республики Дагестан.

Тем не менее, как показывает практика последних лет, переход к такой форме организации высшей власти не снимает с повестки дня важный для многосоставного дагестанского сообщества вопрос адекватного представительства в органах государственной власти республики всех этнических общностей республики, независимо от их численности.

Принцип консоциальности обеспечивает решение проблемы этнических меньшинств и одновременно требует разумного подхода к подбору и профессиональной подготовке национальных управленческих кадров.

Важно помнить опыт пережитого Дагестаном «критического момента», когда проведение в жизнь решений, не отвечавших интересам меньших по численности этнических общностей, уже создавало в республике в начале 1990-х годов угрозу федерализации. Общественные объединения недовольных своим

¹ Исторический выбор дагестанского народа // Дагестанская правда, 11 июля 2003.

² Там же.

положением этнических обществ выдвигали различные проекты своего будущего национально-государственного устройства, они полностью не сняты с политической повестки. Поэтому для сохранения стабильности и единства народов республики необходимо четкое соблюдение баланса их интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алиев М.Г. Программа решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан // Возрождение. - 1994. - № 1.
2. Алиев А.Г.К. Межнациональное согласие как фактор обеспечения стабильности общества в условиях многонационального Дагестана / В кн.: Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. - Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003. - С. 133-190. - 620 с.
3. Алиев А.Г.К. Конституционные нормы и политическая стабильность в дагестанском обществе / В кн.: Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. - Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003. - С. 442-446. - 620 с.
4. Булатов Б.Б., Рамазанова Д.Ш. Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений: Монография. - Махачкала, 2000. - 192 с.
5. Гусаев М.М. Политическая ситуация в Республике Дагестан // Народы Дагестана. - 1993. - № 2. - С. 3-8.
6. Гусаев М.М. Русский вопрос: пути решения // Народы на. - 1994. - № 2. - С. 3-7.
7. Гусаев М.М. О ходе выполнения комплексной программы решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан // Дагестанская правда. 08.03.1997.
8. Здравомыслов А., Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг. [Электронный ресурс] 07.05.2002. / Международный институт гуманитарных исследований // URL: www.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 15.12.2010).
9. Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. Исследования по прикладной и неотложной этнологии // Институт этнологии и антропологии РАН. - М., 1994. - № 72.
10. Кисриев Э.Ф. Сопротивление системы политических институтов Дагестана процессу создания единого правового пространства в России. В сб.: Федерализм в России. - Казань, 2001. - С. 123-143.
11. Кульчик Ю. Этнополитическая ситуация в Дагестане (на начало ноября 1992 г.). [Электронный ресурс] Политический мониторинг // URL: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/1092/5/html/ (дата обращения: 15.12.2010).
12. Магомедов Р.М. Дагестан в Российской Федеративной политической системе // Возрождение. - 1994. - № 1.
13. Магдигаджиев М.А. Национальный вопрос и преступность // Народы Дагестана. - 1994. - № 3.
14. Магомедов А.А. Национально-государственные интересы Дагестана. Проблемы и возможности их реализации. Достижения и современные пробле-

- мы развития науки в Дагестане // Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН. 21-25 мая 1999 г. - Махачкала, 1999.
15. Рамазанова Д.Ш. Актуальные проблемы межнациональных отношений в Республике Дагестан и деятельность органов власти в их регулировании: Дис. ... канд. ист. наук. - Махачкала, 2000.
  16. Ризванов Р.З. Государственный Совет Республики Дагестан: очерки деятельности. - Махачкала, 2002. - 416 с.
  17. Труженикова Л.А. Становление и развитие национальной государственности Дагестана в XX - начале XXI вв. (по материалам конституций республики): Дис. ... д-ра ист. наук. - Махачкала, 2010.
  18. Халилов А.М., Магомедов Ш.Б., Омаров А.Р. Национально-государственное устройство Республики Дагестан в составе Российской Федерации: Монография. - Махачкала, 1995. - 372 с.
  19. Халилов А.М., Гамзатов Я.Б. Государственное устройство России и правовой статус Дагестана: Монография. - Махачкала, 1998. - 116 с.
  20. Цапиева О.К., Муслимов Т.К. Народы Дагестана: путь политического самоопределения // Современная Европа. - 2008. - № 1. - С. 76-86.
  21. Murray, V. Peace in the Caucasus: Multi-Ethnic Stability in Dagestan, in Central Asian Survey. - 1994. - Vol. 13. - No.4. - Pp. 507-523.
  22. McCartney, C. Dagestan Field Report. - London: International Alert, 1995.
  23. Özsoy, I. The Socio-Economic Problems of Dagestan (1995) // Eurasian Studies. - Ankara, Winter 1995/96. - Pp. 62-71.
  24. Edwards, M. The fractured Caucasus // National Geographic. - February 1996. - Vol. 189. - No.2. - Pp. 126-131.
  25. Chenciner, R. Dagestan: Tradition and Survival. Richmond: Curzon Press (Caucasus World). - London and New York, 1997.
  26. Matveeva A., McCarthy C. The Lezgins: A Situation Assessment // International Alert Report, May 1997.
  27. Matveyeva A. Dagestan, Former Soviet South, Russia and Eurasia gram. - London: Royal Institute of International Relations, 1997.
  28. Matveyeva A. The Impact of the Instability in Chechnya on Daghestan // Caspian Crossroads. - 1998. - Vol. 3. - No.3.
  29. Birch, J. Border Disputes and Disputed Borders in the Soviet Federal System // Nationalities Papers. - 1987. - Vol. 15. - No.1. - Pp. 43-70.
  30. Fuller, E. Caucasus: The Lezgin Campaign for Autonomy // RFE/RL Research Report, 16 October 1992.
  31. Fuller, E. The Lezgin Hostage-Taking: Background on Sadval. OMRI Analytical Brief. - No. 226, 15 July 1996.
  32. Hill, F. "Russia's Tinderbox": Conflict in the North Caucasus and its Implications for the Future of the Russian Federation. Harvard University, J.F. Kennedy School of Government, Strengthening Democratic Institutions Project, September 1995.
  33. Cornell, S.E. Small nations and Great powers. A study of ethno-political conflict in the Caucasus. - London and New York, 2001 (Caucasus world. First published in the UK by Curzon Press Routledge Curzon is an imprint of the Taylor & Francis group this edition published in the Taylor & Francis e-library, 2005).

34. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования. - 1992. - № 1. - С. 217-226.
35. Lehmbruch, G. Consociational democracy and corporatism in Switzerland // Publish: The Journal of federalism. - Oxford, 1993. - Vol. 23. - N. 2. - Pp. 43-60.
36. Hadad S. Lebanon: from consociationalism to conciliation // Nationalism and Ethnic Politics. - Oxford, 2009. - N 3/4. - Pp. 398-416.
37. Reilly, B. Institutional designs for diverse democracies: consociationalism, centripetalism and communalism compared // European political science. - 2012. - N 11. - Pp. 259-270.
38. Епифанова Е.В. Многосоставные общества: признак демократии или вынужденная необходимость? [Электронный ресурс] // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». - 2015. - Т. 13. - С. 831-835/ URL:<http://e-koncept.ru/2015/85167.htm> (дата обращения: 20.11.2021).
39. Горбачева С.В. Федерализм как принцип конституционно-правового регулирования взаимоотношений центра и регионов: содержание, специфика, проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2013. - № 4(22). - С. 82-86.
40. Поцелуев С.П., Тимчук Д.А. Многосоставные общества между государственной и общественной нацией // Южно-Российский журнал социальных наук. - 2018. - Т. 19. - № 3. - С. 96-125.
41. Палий И.Г., Крольман М.Л. Аналитический экскурс в теории современных демократий // Общество: политика, экономика, право. - 2016. - № 10. - С. 20-24.
42. Маркедонов С. Дагестан: от Магомедова к Алиеву. 21.02.2006 г. // URL: <https://politcom.ru/2247.html> (дата обращения: 20.11.2021).
43. Адиев З.З. Этнополитические конфликты в Дагестане: особенности и механизмы урегулирования: Дис. ... канд. полит. наук. - Ставрополь, 2009. - 167 с.
44. Кисриев Э.Ф. В Дагестане повторяют «кавказские опыты царской власти». 25.11.2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://regnum.ru/amp/173689> (дата обращения: 20.11.2021).
45. Новицкий И.Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа [Электронный ресурс]. - Краснодар: Здравствуйте, 2011. - 270 с. // URL: 1samlib.ru/n/nowickij_i_/managmentcaucusnovitskiy.shtml/.
46. Рамазанова Д.Ш. О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) // Этнографическое обозрение. - 2016. - № 5. - С. 150-166.
47. Алиев М.Г. Дагестанцы остались верны коллегиальной форме правления // Дагестанская правда, 4 марта 1999 г.
48. Матвеев А.А. Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке // Управленческое знание. - 2021. - № 5. - С. 45-62.
49. Collier, D., Collier, R. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America / University of Notre Dame Press, 2002.
50. Mahoney, J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective. Studies in Comparative international Development. - 2001. - Vol. 36. - N 1. - Pp. 111-141.

REFERENCES

1. Aliev M.G. Programma reshenija problem nacional'nyh otnoshenij v Respublike Dagestan. Vozrozhdenie, 1994. № 1. (Russ.).
2. Aliev A.G.K. Mezhnacional'noe soglasie kak factor obespechenia stabil'nosti obshhestva v uslovijah mnogonacional'nogo Dagestana. V kn.: Severnyj Kavkaz: sovremennye problemy etnopoliticheskogo razvitija. Mahachkala: Izd-vo DNC RAN, 2003. P. 133-190. 620 p. (Russ.).
3. Aliev A.G.K. Konstitucionnye normy I politicheskaja stabil'nost' v dagestanskom obshhestve. V kn.: Severnyj Kavkaz: sovremennye problem etnopoliticheskogo razvitija. Mahachkala: Izd-vo DNC RAN, 2003. P. 442-446. 620 p. (Russ.).
4. Bulatov B.B., Ramazanova D .Sh. Dejatel'nost' organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Dagestan v oblasti mezhnacional'nyh otnoshenij: Monografija. Mahachkala, 2000. 192 p. (Russ.).
5. Gusaev M.M. Politicheskaja situacija v Respublike Dagestan. Narody Dagestana, 1993. № 2. P. 3-8. (Russ.).
6. Gusaev M.M. Russkij vopros: puti reshenija . Narody Dagestana. 1994. № 2. P. 3-7. (Russ.).
7. Gusaev M.M. O hode vypolnenija kompleksnoj programmy reshenija problem nacional'nyh otnoshenij v Respublike Dagestan. Dagestanskaja pravda. 08.03.1997. (Russ.).
8. Zdravomyslov A., Cuciev A. Dagestan: social'no-politicheskie processy 1997-1999 gg. 07.05.2002. / Mezhdunarodnyj institute gumanitarnyh issledovanij. URL: www.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (data obrashchenia: 15.12.2010) (Russ.).
9. Kisriev Je.F. Jetnopoliticheskaja situacija v Respublike Dagestan. Issledovanija po prikladnoj I neotlozhnoj jetnologii. Institut jetnologii I antropologii RAN. M., 1994. № 72. (Russ.).
10. Kisriev Je. F. Soprotivlenie sistemy politicheskikh institutov Dagestana processu sozdaniya edinogo pravovogo prostranstva v Rossii. V sb. «Federalizm v Rossii». Kazan', 2001. P. 140. P. 123-143. (Russ.).
11. Kul'chik Ju. Jetnopoliticheskaja situacija v Dagestane (na nachalo nojabrja 1992 g.). Politicheskij monitoring. URL: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/1092/5/html/ (data obrashchenia: 15.12.2010) (Russ.).
12. Magomedov P.M. Dagestan v Rossijskoj Federativnoj politicheskoi sisteme. Vozrozhdenie. 1994. № 1. (Russ.).
13. Magdigadzhiev M.A. Nacional'nyj vopros I prestupnost'. Narody Dagestana. 1994. № 3. (Russ.).
14. Magomedov A.A. Nacional'no-gosudarstvennye interesy Dagestana. Problemy i vozmozhnosti ih realizacii. Dostizhenija I sovremennye problem razvitija nauki v Dagestane. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 275-letiju RAN i 50-letiju DNC RAN. 21-25 maja 1999 g. Mahachkala. 1999. (Russ.).
15. Ramazanova D.Sh. Aktual'nye problem mezhnacional'nyh otnoshenij v Respublike Dagestan I dejatel'nost' organov vlasti v ihregulirovanii. Diss. ... k.i.n. Mahachkala, 2000. (Russ.).

16. Rizvanov R.Z. Gosudarstvennyj Sovet Respubliki Dagestan: ocherkidejatel'nosti. Mahachkala, 2002. 416 p. (Russ.).
17. Truzhenikova L.A. Stanovlenie i razvitie nacional'noj gosudarstvennosti Dagestana v XX - nachale XXI vv. (po materialam konstitucij respublik). Diss. ... d.i.n. Mahachkala, 2010. (Russ.).
18. Halilov A.M., Magomedov Sh.B., Omarov A.R. Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Respubliki Dagestan v sostave Rossijskoj Federacii: Monografija. Mahachkala, 1995. 372 p. (Russ.).
19. Halilov A.M., Gamzatov Ja.B. Gosudarstvennoe ustrojstvo Rossii i pravovoj status Dagestana: Monografija. Mahachkala, 1998. 116 p. (Russ.).
20. Capijeva O.K., Muslimov T.K. Narody Dagestana: put' političeskogo samoopredelenija. Sovremennaja Evropa. 2008. № 1. P. 76-86. (Russ.).
21. Murray, Brian. Peace in the Caucasus: Multi-Ethnic Stability in Dagestan, in Central Asian Survey. Vol. 13. No. 4 (1994). P. 507-523.
22. McCartney, Clem. Dagestan Field Report. London, International Alert, 1995.
23. Özsoy, Ismail. The Socio-Economic Problems of Dagestan (1995), in Eurasian Studies (Ankara), Winter 1995/96. P. 62-71.
24. Edwards, Mike. The fractured Caucasus / in National Geographic, February 1996. Vol. 189. No. 2. P. 126-131.
25. Chenciner, Robert. Daghestan: Tradition and Survival. Richmond: Curzon Press (Caucasus World). London and New York, 1997.
26. Matveeva Anna, McCarthy Clem. The Lezgins: A Situation Assessment, International Alert Report, May 1997.
27. Matveyeva A. Dagestan, Former Soviet South, Russia and Eurasia Program, Royal Institute of International Relations. London, May 1997.
28. Matveyeva A. The Impact of the Instability in Chechnya on Daghestan, in Caspian Crossroads. Vol. 3. No. 3. Winter 1998.
29. Birch, Julian. Border Disputes and Disputed Borders in the Soviet Federal System, in Nationalities Papers. Vol. 15. No. 1. 1987. P. 43-70.
30. Fuller, E. Caucasus: The Lezgin Campaign for Autonomy, in RFE/RL Research Report, 16 October 1992.
31. Fuller, E. The Lezgin Hostage-Taking: Background on Sadval. OMRI Analytical Brief. No. 226, 15 July 1996.
32. Hill, F. "Russia's Tinderbox": Conflict in the North Caucasus and its Implications for the Future of the Russian Federation. Harvard University, J.F. Kennedy School of Government, Strengthening Democratic Institutions Project, September 1995.
33. Cornell, S.E. Small nations and Great powers. A study of ethno-political conflict in the Caucasus. London and New York, 2001 (Caucasus world. First published in the UK by Curzon Press Routledge Curzon is an imprint of the Taylor & Francis group this edition published in the Taylor & Francis e-library, 2005).
34. Lejphart A. Mnogosostavnye obshestva i demokratičeskie rezhimy. Polis. Političeskie issledovanija. 1992. № 1. P. 217-226.
35. Lehmbuch G. Consociational democracy and corporatism in Switzerland. Publish: The Journal of federalism. Oxford, 1993. Vol. 23. N. 2. P. 43-60.
36. Hadad S. Lebanon: from consociationalism to conciliation. Nationalism and Ethnic Politics. Oxford, 2009. N. 3/4. P. 398-416.

37. Benjamin Reilly. Institutional designs for diverse democracies: consociationalism, centripetalism and communalism compared. *European political science*, 2012. N. 11. P. 259-270.
38. Epifanova E.V. Mnogosostavnye obshestva: priznak demokratii ili vynuzhdennaja neobhodimost'? *Nauchno-metodicheskij zhurnal jelektronnyj zhurnal «Koncept»*. 2015. T. 13. P. 831-835. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85167.htm> (data obrashchenia: 20.11.2021). (Russ.).
39. Gorbacheva S.V. Federalizm kak princip konstitucionno-pravovogo regulirovanija vzaimootnoshenij centra i regionov: sodержanie, specifika, problemy. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*. 2013. № 4(22). P. 82-86. (Russ.).
40. Poceluev S.P., Timkuk D.A. Mnogosostavnye obshestva mezhdugosudarstvennoj i soobshhestvennoj naciej. *Juzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2018. T. 19. № 3. P. 96-125. (Russ.).
41. Palij I.G., Krol'man M.L. Analiticheskij jekskurs v teorii sovremennyh demokratij. *Obshestvo: politika, jekonomika, pravo*, 2016. № 10. P. 20-24. (Russ.).
42. Markedonov S. Dagestan: ot Magomedova k Alievu. 21.02.2006. URL: <https://politcom.ru/2247.html> (data obrashchenia: 20.11.2021). (Russ.).
43. Adiev A.Z. Jetnopoliticheskie konflikty v Dagestane: osobennosti i mehanizmy uregulirovanija. Diss. ... k. polit. n. Stavropol', 2009. 167 p. (Russ.).
44. Kisriev Je.F. V Dagestane povtorjajut «kavkazskie opyty carskoj vlasti». 25.11.2013 g. URL: <https://regnum.ru/amp/173689> (data obrashchenia: 20.11.2021). (Russ.).
45. Novickij I. Ja. Upravlenie etnopolitiko Severnogo Kavkaza. Krasnodar, izd-vo «Zdravstvujte», 2011. URL: 1samlib.ru/n/nowickij_i_/managmentcaucusnovitskiy.shtml/ (data obrashchenia: 20.11.2021). (Russ.).
46. Ramazanova D.Sh. O politicheskom konstruirovanii sovetskih nacional'nostej i narodnostej Dagestana (po materialam arhivnyh issledovanij). *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2016. № 5. P. 150-166. (Russ.).
47. Aliev M.G. Dagestancy ostalis' verny kollegial'noj forme pravlenija. *Dagestanskaja pravda*, 4 marta 1999 g. (Russ.).
48. Matveev A.A. Proshloe, nastojashee i budushee neoinstitucional'nogo podhoda v politicheskoj nauke. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2021. № 5. P. 45-62. (Russ.).
49. Collier D., Collier R. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America*. University of Notre Dame Press, 2002.
50. Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective. *Studies in Comparative international Development*. 2001. Vol. 36. N. 1. P. 111-141.

Информация об авторе: Рамазанова Дильшад Шагидиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Дагестанского государственного университета; 367000, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8,
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>
dilshad73@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ramazanova Dilshad Shagidinovna, Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Russian History, Dagestan State University, 8 Korkmasov Street, Makhachkala, 367000,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.12.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 23.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.12.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.